

Литературная суета

Из всех областей умственной жизни литературе, может быть, менее всего способна и должна оставаться только профессией, ремеслом, техникой, «искусством для искусства» – в этом её трудность, но в этом её и сила. Из всех *искусств* литература до сих пор не имеет теории – или очень сомнительная. Есть школы для всех художеств, а литературной нет. Нужна ли она? Вероятно, нужна. Всякое дело, разумеется, требует школы, выучки, ученья, но, – кажется, неслучайно – литература, соприкасающаяся шире, чем все другие искусства, со всеми сторонами жизни, остаётся делом общим, демократическим – именно потому, что литература шире понятия поэзии и даже литературного мастерства. Поэтому интерес к литературе, как к таковой, как к известному ремеслу, всегда сужал её, чего не было в такой степени в других искусствах. И потому умственная вялость и ограниченность очень охотно сводили литературу к словесной технике, – и эпохи реакционные часто характеризовались развитием вкуса к слову, к стилю, к манере; потому что литература шире этого – и привести литературу «к музыке, прежде всего, к музыке» – также, как к «сладким звукам», значит ограничить её: и тот, кто определил своё творчество этой последней формулой, сам же выразился о своих стихах – и иначе: как о «выстрадаанных, пронзительно-унылых, ударяющих по сердцам...». Это постоянно повторяющееся колебание двух отношений к литературе не есть колебание её, как думали раньше, между эстетикой и общественностью, а тем более, между созерцанием и утилитаризмом. Оно важнее по своему смыслу, потому что «слово» (древнее *логос*) – реально вместительнее понятия формально-эстетического и глубже, жизненнее того, которое ему придают идеологи словесной техники.

У нас в России этот спор давний и имеет свои традиции. Несколько лет тому назад казалось, что ему пришёл конец. Символисты думали, что они его разрешили, найдя равновесие, и примирили общественников с эстетами. В последнее время, мы на самом деле переживали эпоху сравнительного литературного равновесия – результат объединения всех в революционные дни на общих чувствах. Но в этом году видимое равновесие, на котором разные литературные группы в период наступившего вслед за революцией общего затишья готовы были удержаться, опять нарушилось. Опять заспорили и поссорились.

Две линии – вечные во все времена – шли рядом, параллельно, шли, скрещаясь в нашей художественной литературе последних лет: одна – реалистическая, другая – не считавшая себя на этот раз противоречащей ей – только подобная романтизму – символическая. Символисты, по существу, не были противниками реализма, хотя их основная линия шла от мистики: не оказались они врагами и революции, напротив! Две исконно-противоположные линии тогда встречались и даже сливались. Примеров много: приведу Л. Андреева, Белого, Блока, Сологуба, Мережковского, всё это скрещивания – и внутри себя, и в отношении друг к другу. В этом году

началось с того, что некоторые из молодых символистов начали отрекаться от своих учителей и производили этом отречение, по видимому, с намеренным шумом, имея ввиду не кружковую борьбу только, – и основывались для этого в достаточно популярном художественном журнале, а также в одном, не менее популярном кабачке.

С эстетической стороны они уклонялись в сторону реализма, с другой, – следуя символистам, – подавали руку общественникам. Когда вслед за из шумными выступлениями в разных обществах, Сологуб, председательствовавший в одном из таких собраний, где они о себе заявляли, сам выступил с публичной лекцией об «искусстве наших дней», в которой он, как и надо было ожидать, защищал символическую позицию, утверждая при этом, что символизм не есть только эстетика, но идет к общественности – держа в руках религиозное знамя, – все так и поняли, что эта лекция – оппозиция старого и правоверного символиста молодым еретикам из Аполлона: он и отозвался об них попутно пренебрежительно и даже назвал самым талантливым явлением одного молодого поэта – совсем другой группы, до сих только скандальной <так!>: эго-футуристской. А в только что вышедшей книжке «Русской Мысли» (март) другой из главарей символизма, Брюсов, посвящает эго-футуризму новую статью: исходя из того, что литература всегда шла от формы к содержанию, а не обратно; не затрагивая идей и на личностях останавливаясь только мельком, – он видит в словесных выходках «футуристов» – признаки развития, считает их появление – обещающим, значительным. О группирующихся около Аполлона «акмеистах» – обещана другая статья, но Брюсов высказался о них в «Русской Мысли» уже этим летом: он относится к ним скорее отрицательно, он предпочитает им футуристов – за смелость и за искания, – чисто технические, конечно, так как ни идей, ни личностей он не касается. Итак, два символиста сошлись на одном, идя с разных концов: надежда русской поэзии – футуристы, т.е. словесные новшества.

Суэта это или не суэта? На самом деле идут новые движения и новые надежды? Следует о них говорить? Не подождать ли? Подождать всегда осмотнительнее – но правильно ли молчать о том, о чем говорят, о чем думают – не литераторы! Это менее всего тревожно: они справятся и собственными силами, – но, под влиянием их, те, кто читает журналы, кто слушает лекции, кто верит им, и, прочитав Брюсова и прослушав Сологуба, будут думать, что началось движение настоящее, живое. О них надо всегда больше всего и, прежде всего, подумать и напомнить о той правде, что область литературы шире словесного ремесла и что, как всякое дело жизни, она требует и ждет – одаренных, внутренне одаренных личностей. Этого заждалась наша литература, этого давно нет, и без этого ей не двинутся с места.

Конечно, хорошо, что акмеисты, «приемля мир», заботятся о таком культурном «мирском» деле, как чистота и точность русского языка (в этом – лучшая сторона их заявлений); хорошо и то, что не перестают появляться и такие люди, которые, отличаясь меньшей уверенностью, вводят в язык

разные новшества, даже неожиданные, даже ошеломляющие, тем сильнее будет дан им отпор со стороны тех, для кого дороже всего точность языка, а не дерзость. Но разве на самом деле и действительно – всё это литературные надежды?

Интересно было слушать, как Сологуб излагал в своей лекции свои символические верования, но ведь это интересно и значительно лишь постольку, поскольку он человек и своеобразной, и своенравной, и глубокой индивидуальности, и она-то дала русской литературе и Сологубовскую поэзию и Сологубовский роман! Метко и остроумно и с изящной эрудицией разбирает Брюсов всякие словарные и стилистические хитрости футуристов. Но всё это тоже важно лишь постольку, поскольку в этом сказался Брюсов с его личными вкусами, которые определили его уже ставшую классической поэзию, именно благодаря этому и больше ничему!.. Только в личностях, в больших, искренно одарённых личностях, с новой силой, с новой пламенностью, и с новой глубиной нуждается теперь, как никогда, русская литература. Всё другое приложится; придёт и «эстетика», и окажется содержательнее, насыщеннее и цельнее, чем теперь. Вот в чём наши действительные надежды... А всё остальное – суета.

Владимир Гиппиус.